

ЮЛІЯ РЕЗНИК

ВДРІБІЗГІ

Юлия Резник

Вдребезги

«Юлия Резник»

2022

Резник Ю.

Вдребезги / Ю. Резник — «Юлия Резник», 2022

Однажды я совершила чудовищную ошибку. Хитростью забеременела от хорошего парня и ничего ему не сказала. Я бы хранила свой секрет и дальше, если бы не нависшая над нами с сыном опасность. Теперь я вынуждена обратиться к его отцу за помощью и все ему рассказать. Ведь только Тимур может спасти нас от беды. Но кто спасёт меня от него, когда он узнает правду?

© Резник Ю., 2022

© Юлия Резник, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Резник

Вдребезги

Глава 1

Тимур

– Да-да... Довез в лучшем виде. Ох, и уработал ты мне начальника, Руслан Булатыч... Что такое? Да в отрубях наш Красавчик, вот что, – сквозь сон до меня доносится веселый смех моего случайного водителя. Кряхтя, поднимаюсь с заднего сиденья, веду рукой по лицу, стряхивая похмелье. От неудобной позы болит все тело, а во рту сухо, как в Атакаме летом. Нашупываю в темноте бутылку Боржоми, которую в последний момент мне сунул в руки брат, свинчиваю крышку и, перед тем, как приложиться к горлышку, бросаю короткое:

– Я все слышу.

Получается намного более строго, чем я планировал. Наверное, потому что в горле пересохло. Парень за рулем распрямляет руки по швам.

– Виноват, Тимур Булатыч.

– Вольно. Не в армии.

Закручиваю бутылку, нащупываю ручку двери и вываливаюсь из салона.

– Проводить? – не сдается этот придурок, одной рукой нажимая на стеклоподъемник, а другой – придерживая мобильник у уха.

– Я тебе что, девчонка?

– Никак нет.

– Вот и давай. Вали уже, – беззлобно бормочу я, обходя машину. Юрка коротко сигналил на прощание и трогается с места. Чуть пошатываясь, бреду по подъездной дорожке к своему таун-хаусу. Лампочка над крыльцом невротично подмигивает, усугубляя боль в голове. Морщусь. Давно пора поговорить с управляющей компанией. В последнее время они работают из ряда вон плохо, что совершенно непозволительно, учитывая то, сколько я им плачу. Прищуриваю один глаз, для наведения резкости, шагаю к подъезду и как раз в этот момент ощущаю стремительное движение за спиной. Дальше действую на автомате. Подсечка, удар, бросок... Вмиг протрезвев, озираюсь по сторонам в поисках новой угрозы. Адреналин просто зашкаливает. Я готов кинуться в драку, но ничего... абсолютно ничего не происходит. Лишь мой поверженный противник приходит в себя и начинает барахтаться в сугробе, а чуть в стороне зарождается тоненький странный звук. Будто щенок скулит. Или ребенок плачет... А потом из темноты подворотни отделяется маленькая тень. Трясу головой, но картинка перед глазами остается неизменной. Передо мной и правда ребенок. Совсем маленький. Года два или три. Я не слишком в этом всем разбираюсь.

– Какого черта... – доносится из сугроба ошалевший женский голос. – Ты окончательно спятил?!

Я не слышал его... дайте подумать... уже, наверное, года четыре? Сжимаю зубы так, что челюсть начинает ныть, считаю про себя до пяти. Понимаю, что этого мало, и продолжаю счет. Десять, пятнадцать, двадцать. За это время женщина успевает подняться и взять на руки порядком напуганного происходящим мальчишку.

– Мы знакомы? – равнодушно интересуюсь я, отряхивая легкое, совсем не по погоде, пальто. Впрочем, во мне столько адреналина, что холода я не чувствую. Я вообще ничего не чувствую. Она отучила. Хотя... вру. Злости во мне под завязку. Как и всего прочего замешанного на ней дерьма.

– Перестань! Пожалуйста... Я знаю, что поступила с тобой некрасиво, но... Мне сейчас не до игр. Все очень серьезно. Ты не мог бы...

– Не мог бы, что?

– Для начала уделить мне немного внимания?

Не знаю, чего во мне больше. Желания послать её к черту прямо сейчас, или же любопытства. Нет, ну, правда, интересно же, что ее ко мне привело. Вот так. Посреди ночи. С ребенком на руках. А я не знал, что она родила, поскольку сам себе запретил интересоваться подробностями ее жизни.

– Валяй.

– Ты, что, хочешь говорить прямо здесь?

В её обычно спокойном голосе проскальзывают истеричные нотки.

– А ты никак напрашиваешься в гости?

Лампочка, наконец, перестает мигать, и мы оказываемся так близко друг от друга в желтом пятне света, отбрасываемого фонарем. Вижу полыхнувшую в Олеськиных глазах ярость, прежде чем она успевает скрыть ее за опущенными ресницами.

– П-послушай, мы здесь сидим уже целую вечность. Дамир замерз... Да и я до костей продрогла. Мы можем поговорить у тебя? Это правда вопрос жизни и смерти.

Не уверен, что мне это нужно. Но у нее действительно зуб на зуб не попадает, да еще этот малой... Перевожу взгляд на ребенка. Но из-за толстого вязаного шарфа и низко опущенной на глаза шапки с помпоном не могу рассмотреть лица мальчишки.

– Это твой сын?

– Да. Его зовут Дамир. Может быть, мы все же войдем?

Пожимаю плечами и не спеша иду к дверям. В подъезде тепло, и хорошо пахнет. Гремлю замками, снимаю квартиру с сигнализации и только затем пропускаю гостей в свой дом. Тело мелко-мелко дрожит. Понятия не имею, что за дерьмо со мной происходит, но с этим определенно нужно что-то делать.

– Я сейчас приду. Располагайтесь.

Иду в душ, скидываю на пол одежду и становлюсь под обжигающе-горячие струи. Наверное, я все же замерз. Да. Это все объясняет. И странную трясучку, и... да к черту! Просто я не ожидал ее увидеть. И такой своей реакции тоже не ожидал. Думал, что давным-давно перегорел. Но оказалось – ни хрена подобного. Ни хрена подобного, понимаете? А у нее сын – Дамир. А у неё жизнь... своя жизнь, в которой мне вообще нет места. Так какого хрена вот это все?!

Выбираюсь из душевой кабины, оставляя на полу лужи, тянусь за полотенцем. Вытираюсь, натягиваю застиранные треники и выхожу из ванной. Из кухни доносится шум. Иду на звук, чувствуя, как с каждым шагом пульсирующая боль в голове становится все сильнее. Толкаю ладонью дверь.

– Я немного у тебя похозяйничала. Надеюсь, ты не против.

Олеся кивает на огромную чашку чая, о которую греет руки, и неуверенно улыбается. Все такая же красивая, как в день нашей первой встречи.

– Где ребенок? – отрывисто интересуюсь я.

– В гостиной. Он уснул, как только согрелся. Здесь и для тебя осталась заварка. Хочешь? Качаю головой и опускаюсь на диван.

– Давай ближе к делу. Уже поздно, а мне завтра рано вставать.

– Хорошо. К делу – так к делу. Мне с сыном угрожает опасность. И я... я прошу тебя нам помочь.

– С чего бы это?

– Потому что ты в этом деле лучший.

– С чего бы мне вам помогать? – конкретизирую вопрос, раз уж эта дурочка делает вид, что не поняла его изначально.

– С того, что я заплачу, – шепчет она. – Заплачу столько, сколько потребуется.
Вздергиваю бровь, окинув ее неторопливым насмешливым взглядом.

– Ты не похожа на миллионершу.

Олеся вспыхивает. Закусывает изнутри щеку, отчего на ней появляется до боли знакомая ямочка, и отворачивается к окну.

– А ты жесток.

– Да уж будь уверена.

Она оглядывается на меня через плечо.

– Знаешь, будь ты другим, я бы не пришла. Мне нужен тот, кто сможет защитить нас с сыном, а не какой-нибудь... слюняй.

– Это ты уже говорила. Вот только я так и не понял, что тебе угрожает?

Намеренно говорю «тебе». Не хочу отождествлять ее с кем-то. Пусть даже с ребенком. Не хочу... И не обязан.

– Не что. Кто. Мне угрожает семья моего мужа.

– Это каким же образом?

Если честно, пока все, что она рассказывает – кажется мне полнейшим бредом. Не знаю, почему еще не свернул этот разговор.

– Это так сложно, что просто не укладывается в голове у нормального современного человека.

– Но ты все же попробуй.

– Ладно, – вздыхает она, будто делая мне одолжение. – Понимаешь, мой муж – езид. Езиды...

– Я в курсе, кто такие езиды.

Еще бы я не был в курсе. Я же чертов арабист! Впрочем, откуда ей знать об этом? До разговоров с Олесей у нас как-то не доходило. И, как вы понимаете, вовсе не потому, что я этого не хотел. Просто, как потом оказалось, для бесед под луной у неё муж имелся. А со мной... со мной она просто трахалась. Для нее я был чем-то вроде вибратора, понимаете? В то время, как она для меня... Да ну нахуй. Даже вспоминать не хочу.

Желая отвлечься, все же хватаю чашку. Наливаю заварку и кипяток.

– Тогда ты, может быть, в курсе странных обычаев этой народности.

Пожимаю плечами. Мол, ну, допустим... И вдруг замираю, не дыша, поймав на себе её взгляд. Руки сжимаются в кулаки – так хочется ее встряхнуть. Интересно, она вообще понимает, на какой тонкий лед заходит, глядя на меня вот так?

– Один из таких обычаев говорит о том, что если умирает старший брат, младший из братьев обязан взять его вдову в жены.

– И?

– Мой муж умер. У него есть младший брат.

Рука с занесенной ко рту чашкой застывает у моих губ. Выходит, она свободна? – мелькает в голове и сразу за этим: а что, собственно, это меняет? Конкретно для меня? Ничего? Да, пожалуй...

– Он вознамерился на тебе жениться? – усмехаюсь я, демонстративно ощупывая взглядом ее фигуру.

– Представь себе. И я не могу отказаться, потому что, в противном случае, он обещает отнять у меня сына.

– Ни один суд не встанет на сторону дяди ребенка. Так что, не переживай.

– Он не планирует действовать через суд! Он собирается его выкрасть! – Олеся отталкивается от подоконника и, отчаянно заломив руки, подходит ко мне. Почти вплотную. Слишком рискованно. Слишком неосмотрительно. – Послушай, вчера его люди уже пытались тайком увести Дамира из детского сада. В моей квартире тоже был кто-то посторонний. Я не могу

сидеть сложа руки и ждать, когда моего сына похитят. Помоги мне! Пожалуйста... Их семья слишком влиятельна, Тимур. Ты не представляешь, в каком страхе я живу все это время. Иногда мне кажется, я схожу с ума. Я не знаю, куда мне идти, к кому обратиться, если не к тебе. Пожалуйста... Я заплачу! Продам квартиру, сразу, как это станет возможно, и заплачу столько, сколько потребуется...

Она еще что-то говорит, но я не слышу. Смотрю в ее наполненные тревогой глаза и кайфую, как конченный сторчавшийся в хлам наркоман. Потому что я, наконец, ей нужен. Это унижительно. Но в этот момент мне даже похрен на то, что ею движет. Впервые в жизни она сама приходит ко мне...

– Ты не понимаешь, – говорю мягко, как для умственно отсталой. – Я – владелец лучшего в стране охранного предприятия. Наши клиенты – президенты, арабские шейхи и члены королевских фамилий. Даже если ты продашь квартиру, этих денег хватит... я, конечно, не знаю точно, стоит уточнить в бухгалтерии, но определенно их не хватит надолго.

Улыбаюсь и, скованный ее взглядом, склоняю к плечу голову. Ну же, детка, попроси меня. Еще раз. Попроси...

– Ничего больше у меня нет.

Ой ли? Она даже бровью не ведет, глядя в мои глаза. Не догадывается, что ее самой вполне достаточно? Что ж... Это хорошо. Не хочу, чтобы она поняла, насколько я жалок. Мне бы самому привыкнуть к этой мысли.

– Тогда я ничем не могу тебе помочь. Извини.

Олеся поворачивается к выходу из комнаты. Нерешительно комкает в руках полотенце.

– Сын – все, что у меня осталось, Тимур. Ради него я готова на все, что угодно.

– На все ли?

Олеся смотрит на меня. Растягиваю губы в улыбке... съезжаю ниже по дивану, на самый край, и широко расставляю ноги. Мягкая ткань обтягивает мой впечатляющий по всем меркам стояк. Не знаю, зачем это делаю. Просто нащупываю пределы. И когда она, будто обмякнув, шагает в очерченный ногами треугольник и опускается на колени, они становятся очевидными. Будто кто-то нацарапал их ржавым гвоздем прямо на моей плоти. И от этого тошно втройне.

– Иди к ребенку, Олеся, – отталкиваю ее руки. – Я не беру натурой.

Хотя, черт возьми, хочется. Да, я – идиот. Она не торопится подниматься с колен. И тогда я сам, перекинув ноги, встаю с дивана. Находиться рядом с ней – нет сил. Олеся тяжело опирается на руку и вслед за мной поднимается с пола.

– Ты позволишь остаться до утра? За окном метель, а у меня не осталось денег даже на гостиницу. Дома нас тут же найдут.

Киваю. Чеканя шаг, выхожу из комнаты. Зачем-то иду в ванную. Спотыкаюсь о так и валяющиеся там брюки. Лезу в карман, достаю деньги и возвращаюсь в кухню.

– Вот. На первое время.

– Мне от тебя не деньги нужны.

Ухожу, ничего не ответив. Достаю постельное и еще одно одеяло. Оставляю в ногах у спящего пацана. А потом набираю номер, по которому мне ответят в любое время дня или ночи.

– Олег? Добрый вечер. Кто у нас на завтра свободен? Нужно присмотреть за одной женщиной. Нет, это для меня... Да, сейчас скину информацию...

Сбрасываю вызов, а лучше бы ее бросил... И пусть сама свои проблемы решает. Дерьмо.

Глава 2

Олеся

Черт! Разве время не должно было изменить хоть что-то? В нем самом или... в моем к нему отношении. Добавить Тимуру седых волос, лишних килограммов – да чего угодно добавить, лишь бы только я не испытывала того, что почувствовала, заглянув в его темно-синие, так что чаще кажутся черными, знакомые до боли глаза?

Я очень надеялась на то, что бушующее в крови пламя поутихло, а та тоска, что сжимает мне сердце каждый раз, когда я о нем вспоминаю – это так, ничего серьезного, лишь отголосок творившегося между нами безумия. Но ведь нет... Нет. Кого я обманываю? Залипаю на его губах, искривленных насмешливой белозубой улыбкой, а слов не слышу. Шею будто удавкой сжимает страшное понимание – не отболело, не отгорело и не прошло. Ноги слабеют от сладкой беспомощности, телом бегут мурашки, и страх, что он не простит, что мне с ним ничего больше не светит – сковывает затылок. На несколько секунд я забываю даже о том, зачем вообще пришла. А ведь решение обратиться к Тимуру за помощью далось мне так трудно! Несмотря на все, что сделала с нами, я, в общем-то, неглупая. И хорошо понимаю, что будет, когда такой мужчина, как он, узнает об обмане.

Дурацкий день. Все вообще идет не по плану. Кажется, я просчиталась. Совершенно по-идиотски переоценила свою для него значимость.

– Ты не понимаешь. Я – владелец лучшего в стране охранного предприятия. Наши клиенты – президенты, арабские шейхи и члены королевских фамилий. Даже если ты продашь квартиру...

Бла-бла-бла. Опускаю голову ниже. Похоже, все еще хуже, чем я думала. У него же этих баб, наверное, не один десяток. Не всех же ему вырывать? Вот, кто я ему по факту? Бывшая любовница? У нас и отношений-то толком не было. И быть не могло, если честно. Но, с другой стороны, пусть он этого и не знает, нас связывает намного-намного большее. Собственно, я именно поэтому здесь.

– Ничего сверху у меня нет. – Унизительная правда, которую мне приходится озвучить, не добавляет мне баллов в его глазах, но какое это имеет значение, если на кону жизнь нашего сы... Дамира. И моя жизнь?

Я готова просить, умолять, если понадобится. Я готова на все, что угодно, лишь бы только Тимур помог. Ведь если в этом мире существует человек, способный нас защитить, то это он – Тимур Белый. Мужчина, которого я использовала, обманула, и которого не сумела забыть. В общем, сама себя загнала в тупик.

– Тогда я ничем не могу тебе помочь. Извини.

Киваю, иду к выходу. Ноги подгибаются, в голове звучит досадное «скажи ему!», но я не могу. Не нахожу в себе сил озвучить правду. Может быть, потом – утром, или я не знаю...

– Сын – все, что у меня осталось, Тимур. Ради него я готова на что угодно.

– На все ли?

Поверить не могу! Он действительно намекает на это? Секс? Выходит – зря я волновалась? Он помнит. И хочет мне... что? Отомстить? Указать на место? И закрыть для себя этот вопрос раз и навсегда? Глаза обжигают слезы. Но правда в том, что злиться я могу лишь на себя. Поэтому, не давая себе раскиснуть, подхожу к Тимуру и опускаюсь перед ним на колени. Лица касается его горячее дыхание. Легкое алкогольное амбре туманит голову. Или это от того, что я впервые к нему так близко. За долгие-долгие годы. Руки, как и прежде, дрожат, так что мне приходится их встряхнуть, прежде чем приступить к...

– Иди к ребенку, Олеся, – отталкивает мои ладони. – Я не беру натурой.

Опускаю голову. Сжимаю кулаки.

Скажи ему, Олеся! Признайся!

Нет, не могу! Все, на что меня хватает – так это попросить Тимура не выгонять нас с сыном до утра. Идти мне и впрямь некуда. К счастью, он позволяет остаться. И даже, смешно, выделяет мне щедрую материальную помощь, прежде чем оставить одну в неуютной стерильной, будто операционная, кухне.

Смотрю на зажатые в кулаке купюры и чувствую себя просто хуже некуда. Жизнь – дерьмовая штука. И почему-то именно хорошим людям в ней живется сложнее всего. Но, наверное, надо обо всем по порядку...

Плечусь в гостиную, осторожно укладываюсь к сынишке под бок и, накрыв нас одеялом, отматываю назад ленту воспоминаний.

– Олеся, ну, сколько ты еще будешь возиться? Еще немного, и я не успею тебя отвезти!

Закрываю кран. Прячу коробочку с тестом на беременность в сумочку и закусываю дрожжащие губы. Дышу ровно и глубоко. Ровно и глубоко... Убеждая себя, что все в полном порядке.

– Езжай без меня, Гурам, – кричу мужу, немного успокоившись. – Я доберусь на попутке.

– Точно?

– Да. Все нормально.

– Ну, смотри! Я позвоню, если получится забрать тебя вечером.

– Хорошо.

Ноги не держат. Опускаюсь на крышку унитаза и перевожу взгляд на сумочку. Знаю, что не увижу ничего нового, но руки сами собой тянутся за еще одной упаковкой. Другой фирмы. Мало ли. Может быть, первый тест врет. Ведь задержки не случаются просто так? Это же очевидно!

Входная дверь хлопает, закрываясь за мужем. Я так напряжена, что каждый резкий звук становится испытанием для нервов. Вздрагиваю и таки достаю еще один тест. Обещаю себе, что уж он-то точно последний. В конце концов, даже я понимаю, как ненормально то, что сейчас происходит. Мое стремление забеременеть приобретает явно нездоровые формы. И с этим точно нужно что-то делать. Только проведу тест. Последний. Честное слово! Всклипываю и тыльной стороной руки вытираю нос. Пальцы не слушаются, и у меня никак не выходит открыть плотную полиэтиленовую упаковку. Помогаю себе зубами. Достаю тест-полоску и, окунув в баночку, сверяюсь с часами. Время тянется бесконечно долго. Наконец, результат готов. Накрываю ладонью рот, глуша ужасные скулящие звуки, рвущиеся из горла. Потому что чуда не происходит. Все мимо... опять мимо.

Не знаю, сколько так сижу. Может, час. Может, два... Плевать, что у меня встреча.

– Ле-е-е-е! Леська! Ты дома? Прикинь, варю я, значит, борщ, и в последний момент вспоминаю, что у меня нет капусты! Ле-е-е-е...

Встряхиваюсь, пытаюсь подняться, чтобы выйти к соседке, но у меня нет сил. Наверное, это неправильно – то, что я позволяю этим неудачам ломать меня каждый раз так сильно, но... Я не могу забеременеть уже который год, и это тяжело. Очень.

– Леська, ты чего тут сидишь?!

– Не знаю...

– О боже, горе луковое, ну-ка, вставай! Ты опять эти тесты делала? Говорю же тебе, надо отвлечься. Не заикливаться на этом, понимаешь? Тогда, может, чего и получится! Ну, пойдем-пойдем. Я тебе чаю сделаю. И ты, это, умойся, а? Зареванная – ужас просто.

Послушно умываюсь и плечусь в кухню, где хозяйничает моя соседка Катерина. Сажусь на табуретку, всунутую между столом и холодильником, отворачиваюсь к окну. На стол передо мной опускается огромная кружка чая с толстым ломтем лимона.

– Рассказывай!

– Да что рассказывать, Кать? Ничего нового. Я здорова – в один голос утверждают врачи. А то, что не могу забеременеть пять лет – это так, все еще будет. А когда будет? Когда? Мне уже тридцать!

– Ну, знаешь ли! Не все от бабы зависит. Я тебе давно уже говорю – не того вы обследуете!

Отвожу взгляд от окна. И залипаю на плотной фигуре Катерины. Мы не то, чтобы подруги. Просто, кроме нее, мне больше не с кем поделиться своими тревогами, и посоветоваться тоже не с кем. С друзьями у меня не срослось, как-то не до дружбы в профессиональном спорте. Да и с родней мне как-то не повезло.

– Не сыпь мне соль на рану. Ты же понимаешь... Гурам никогда не пойдет на это. И даже если дело в нем, – пожимаю плечами, – он никогда этого не признает. Восточный мужчина. Что ты хочешь?

– Я? Ничего не хочу! Это ты хочешь... ребенка. И знаешь, тебе его нужно родить как можно скорее, не то крыша совсем усевстит. А если твоему муженьку гордость важнее всего остального – делай выводы. Не так уж он тебя и любит.

Усмехаюсь. Послушать Катю – это так просто. Выводы делать... Ну, допустим. А дальше что? Разводиться? В тридцать лет начинать все заново? И как надолго это все опять затянется? Поиски подходящего мужчины, новые попытки забеременеть. Понимаю, что вот-вот опять заплачусь. Ну, надо же. Я никогда не была плаксой – и вот тебе на. Сердито шмыгаю носом.

– Я бы уже обратилась в банк спермы, ей богу. Но опять же – Гурам не согласится. Да и денег у нас нет на ЭКО.

– Еще бы они у вас были! Гурам за последние пять лет три тачки поменял.

На это мне сказать нечего. Поменял – и поменял. Зарабатывает – имеет право. Это я все никак не найду себе применения, после того как ушла из спорта. Кстати, об этом!

– Черт! Я же совсем забыла. У меня назначена встреча с владельцем зала! Черт-черт-черт...

Вскакиваю. Озираюсь в поисках телефона. Бегу в спальню, Катя, не скрывая любопытства, идет за мной. Ну, конечно! Три пропущенных с того самого номера. Вот же... твою мать! Перезваниваю. Прикладываю трубку к уху.

– Доброе утро! Это Олеся Авдалова, у нас была назначена встреча с господином Белым... Да-да, я бы хотела ее перенести, видите ли, случилось ЧП... Ах, это невозможно? Но как же... – блею я, глядя на соседку. – Но я все еще заинтересована в аренде этого помещения. Масса желающих? Да... Я понимаю, но, возможно...

Невозможно. Ровный голос на том конце связи объясняет мне то, что и так понятно. Я облажалась. Не явилась на встречу и даже не позвонила, чтобы ее перенести, зарекомендовав себя далеко не с лучшей стороны перед очень непростыми людьми. Никому не нужны ненадежные партнеры, тем более такие мелкие и незначительные, как я.

Вызов обрывается. Опускаю взгляд и тупо пялюсь на погасший экран. И такая злость во мне закипает! На себя, на собственную судьбу. Новое поражение одновременно выбивает меня из равновесия, но, в то же время – придает сил. Почему-то я уверена, что все еще можно исправить. Если надо – я буду ждать этого Белого Тимура Булатовича столько, сколько потребуется. Я сумею убедить его, что зал, который он собрался сдавать в аренду, мне нужнее всех! Глядишь, моя студия аэройоги не останется без помещения...

– Извини, Кать, мне нужно уйти, – бормочу я, ныряя в шкаф за одеждой. – Капуста, кажется, была где-то в холодильнике. Возьми!

– Ох! Точно! У меня ж борщ на плите... – всплескивает руками соседка. – Совсем ты меня заболтала, Олеська...

– Угу. Извини, что вываливаю на тебя свои проблемы.

– Да что ты? Все нормально. И это, знаешь, раз твой Гурам такой коз... хм... баран упертый, подумай, кто может сделать тебе ребенка вместо него!

– Ты что? Ты... ты что такое говоришь, а? – удивляюсь я, когда моя отвисшая челюсть возвращается на положенное ей место.

– А что такого? Будь умнее. Он ведь ничего не узнает. А у тебя появится шанс. Только, это, мужчину черненького ищи. Твой-то самец – ясно, какой породы. Чтобы вопросов не было. Сама понимаешь.

Катка резвым козликом бежит в кухню, отыскивает в недрах моего холодильника зло-счастную капусту и скрывается за дверями так же неожиданно, как и появляется. А у меня еще очень долго звенят в ушах её дикие... ну, ведь совершенно дикие рассуждения.

Одеваюсь, будто в тумане. Вызываю такси. Собраться получается лишь у самого офиса. На охране случается небольшая заминка, ведь я опоздала, и временный пропуск, который мне выписали – аннулировали. Но каким-то чудом мне все же удастся пробиться внутрь. Скоростной лифт поднимает меня на нужный этаж. Мне немного страшно. Но я не стала бы той, кто я есть, если бы не умела от всего абстрагироваться. Из лифта я выхожу с гордо поднятой головой. Иду по шикарно отделанному коридору к приемной.

– Чем могу помочь? – интересуется блондинка модельной внешности, сидящая за столом секретаря.

– Я – Олеся Авдалова. У меня была назначена встреча с господином...

– Да. И вы опоздали. Тимур Булатович очень занятой человек...

– Безусловно. Я это понимаю. И подожду столько, сколько потребуется, чтобы он меня принял.

– Это совершенно бессмысленно, – заводит старую пластинку секретарша, но отвлекается, когда у нее звонит телефон. – Дань?! Ну, где ты ходишь? Все уже в тире! Тебе шеф голову оторвет, если не успеешь пересдать нормативы...

В тире? В том, что на первом этаже? Девица еще что-то говорит, но мне уже все равно. Я подхватываю свое пальто и мчу обратно к лифтам. Вот в тире я его и возьму. Тепленьким!

В глубине квартиры что-то подает. Я вздрагиваю, и возвращаюсь в реальность.

Глава 3

Тимур

Голова трещит просто нещадно. Тут либо догоняться надо, либо трезветь. В обнимку с минералкой и доброй порцией обезболивающих. Трезветь не хочется. Поэтому подхожу к бару и наливаю себе в стакан щедрую порцию виски. Иногда даже суперпрофессионалам стоит напиться.

Нет, какой все же херовый день! Так хорошо начинался, а закончился хуже некуда. Этот мир определённо катится к черту. И хрен его знает, что с этим делать.

Плечусь к окну и распаиваю его настееж. К ночи теплеет, столбик термометра неумолимо ползет вверх. Тянет болотной оттепелью и сырой землей. На дрогах снежная каша, а с неба все сыплет. Завтра город безнадежно станет в километровых пробках, и я пытаюсь сосредоточиться на этом. Еще раз перебираю в голове маршруты передвижения наших основных клиентов, размышляю о том, какие встречи можно перенести, а какие отменить – в общем, стараюсь сконцентрироваться на работе и не думать о том, что всего в нескольких шагах от меня... она. Не вспоминать все, что было. Вот только делать это с каждой секундой мне все трудней. В конце концов, я сдаюсь. Ложусь на кровать, закидываю руки за голову и, впивив воспаленный взгляд в потолок, по которому неспешно гуляют тени, позволяю себе вернуться почти на четыре года назад.

Впервые я увидел Олесю в тире. У группы моих ребят была назначена тренировка с инструктором по огневой подготовке, и я, как обычно, когда имел на это время, спустился, чтобы лично понаблюдать за их работой.

Возбужденные мужики отрабатывали стандарты. Исходное положение – пятнадцать метров до линии огня, патрон в магазине, кобура в штатном, пистолет зафиксирован. По сигналу «вперед» парни начинали движение к линии атаки, стараясь выполнить максимально быстрый и точный выстрел. У кого-то получалось лучше – у кого-то хуже. В прошлый раз результаты были получше.

– Две секунды на выполнение упражнения? – вздергиваю бровь, глядя на одного из своих лучших бойцов.

– А у него вчера мальчишник перед свадьбой был. Кажется, кто-то перепил! – ржет другой, толкая в бок друга.

– Перед зачетом по огневой? – ухмыляюсь я.

– Ну, бля... У меня, может, в последний раз свадьба.

– Ну да, ну да. Мечты – мечты. Пацаны, кто-нибудь верит в то, что Марк в последний раз женится?

– А что? Всякое может быть. Татьяна женщина – что надо, – самый младший из группы, Кирилл Куек, возвращает оружие в кобуру и плавным движением рук рисует в воздухе впечатляющие дамские формы.

– Эй, придурок, ты вообще-то о моей жене говоришь! Берега не попутал? – огрызается Марк под раскатистый смех остальных бойцов и бросает в приятеля бутылкой с водой. Закапываю глаза. Взрослые мужики – а ведут себя, как трехлетки в песочнице. Окидываю взглядом помещение тира и неожиданно для себя замечаю незнакомую девушку, топчущуюся у стойки с винтовками. Брюнетка. Такая фигуристая. Все, как я люблю. Интересно, она-то что здесь забыла?

– Покажешь пацанам класс?

Нехотя отрываюсь от разглядывания девицы. Прикидываю, стоит ли вестись на провокацию тренера.

– Давай, Красавчик! Не надо стесняться... – подстегивает тот. Дим Саныч работал еще с отцом. Он – один из немногих, кто может себе позволить произнести мое прозвище вслух без всяких последствий для здоровья. Растягиваю губы в хищной улыбке. Делаю несколько наклонов головы, лениво разминая затекшую шею, встряхиваю руки и тянусь к кобуре. Но замираю на полпути, когда наши взгляды с брюнеткой встречаются.

– Это еще кто? – не скрывая своего любопытства, интересуюсь у тренера.

– Да хрен его знает. Выяснить?

Веду плечом. Вообще-то в этом тире может пострелять каждый, у кого на это есть средства. Но здесь редко появляются новые лица. Именно поэтому девица вызывает мой живой интерес. А может, потому что красивая...

– Похоже, ты заинтересовал девушку, – смеется Дим Саныч. – Вон, как смотрит! Эх! Одно слово – Красавчик! Где мои семнадцать лет? – принялся насвистывать тот.

Шутки шутками, но пора переходить к делу. Отсекаю все ненужные мысли. Делаю глубокий вдох и даю отмашку Дим Санычу.

– Вперед! – командует уже он.

Стремительное движение руки, приятная тяжесть ствола в ладони. Бах... Бах... Бах.

– Ну, что?

– Один и шесть!

– Да чтоб тебя! – завистливо тянут мужики.

Отточенным движением возвращаю пистолет в кобуру. Зачем-то снова перевожу взгляд к стенду, где все так же продолжает стоять незнакомка.

– Ну, что, ребята, есть, куда расти, да? Чего уставились, работаем!

Подмигиваю Дим Санычу, отталкиваюсь от стены и иду к стеллажам. По мере приближения нагло ошупываю взглядом фигуру девушки и понимаю, что она еще лучше, чем мне показалось издали. Глаза темные, темные же волосы, разбросанные по плечам. Неплохой костюм, подчеркивающий то, что нужно, и скрывающий... да нет, недостатки, похоже, я вряд ли найду. По мере моего приближения медовый взгляд темнеет – её зрачки расширяются, как ничто другое выдавая её ко мне интерес.

– Понравилось? – киваю в сторону парней и, включив на полную все свое обаяние, растягиваю губы в улыбке. Я почти уверен, что мне предстоит быстрая, как и всегда, победа, поэтому, когда незнакомка складывает на груди руки и небрежно бросает мне:

– Ничего. Меткость можно поправить, – заводжусь с пол-оборота, конечно, внешне оставаясь холодным и отстраненным.

– Что не так с моей меткостью?

– Можно было лучше, – ведет плечами.

– Что б ты понимала, – улыбаюсь этой дурочке. – Лучше быть не может.

– Уверена, что надеру тебе задницу.

– Ты хотя бы пистолет держала в руках?

– Угу. Но разить цель предпочитаю из винтовки.

– Снайпер? – Недоверчиво суживаю глаза.

– Спортсменка. В прошлом. Слава богу, не комсомолка, – неловко шутит и переступает с ноги на ногу. Из-за спины доносится улюлюканье. Оборачиваюсь. Свидетелями нашего разговора становится с десяток моих самых лучших бойцов. Абсолютных придурков, кстати сказать, если дело не касается работы.

– К стендам! – рывкаю я, в своей реакции уходя от них не слишком сильно. Мальчики – такие мальчики, даже если большие.

– Ага. Бегу. Волосы назад.

Ну, что сказать? Я привык, что мои команды выполняются безоговорочно.

– А как же обещание надрать мне задницу?

Незнакомка хмурится. Оглядывается по сторонам, будто ищет кого-то, или никак не может решиться уже, наконец, ответить за свой базар. Одним словом – бабы.

– У меня здесь вообще-то деловая встреча.

– Здесь?

– Угу.

– Что-то я никого кроме нас не вижу... А вы, мужики? Похоже, нам лапши навешали, ребят. Отбой.

Если честно, я так не думаю. Вижу, как ей хочется подержать в руках оружие. И почему-то это меня заводит. Да чтоб его. У меня крепкий стояк. Дела-а-а! И еще глаза ее чумовые... Глубокие какие-то, совершенно потрясающие. А ведь она почти моя ровесница – плюс-минус, – вдруг понимаю я.

– Ладно, – вдруг соглашается она, облизав пухлые губы и снова воровато оглядевшись по сторонам (неужели и правда кого-то ждет?), нерешительно косится на с интересом наблюдающего за ситуацией администратора. – Как насчет СМ2? – это уже мне.

Эта винтовка довольно бабская. Не под мою руку. Но я ведь, мать его, джентльмен!

– Оставляю выбор оружия за дамой, – развожу руками и дурашливо кланяюсь. Ага. Вылитый пай-мальчик. Папа бы оценил. Но сначала бы надавал по шапке за то, что я вообще в это влез.

Пока администратор готовит для нас винтовки, девица принимается раздеваться. Снимает пиджак. Надо ли говорить, что мужики опять начинают изгаляться на все лады? Кто свистит, кто губами причмокивает. Да и пускай. Я в это не вмешиваюсь. У этих ребят слишком напряженная работа, и если именно так им нужно сбросить напряжение – пожалуйста. Тем более, незнакомка, кажется, против такого поведения не возражает. Лишь закатывает глаза, будто повышенное внимание десятка напитанных тестостероном парней – для нее обычное дело.

– Разрешите представиться, – подъезжает к ней Кир, – Кирилл Куек, ударенье на «у».

– Олеся.

Олеся... Вот так просто я узнаю ее имя.

– Ну? К барьеру, господа? – шутит Дим Саныч.

Киваю. Проверяю исправность оружия, то и дело поглядывая на соперницу. Чтобы обрести дополнительную устойчивость, она сбрасывает туфли на каблуках, растирает ладонью затекшие пальцы и наклоняется, пробно прицеливаясь. Право первого выстрела я тоже оставляю за ней. От меня не убудет, а ей приятно. К тому же бонусом мне – ее оставленная назад, обтянутая тонкой шерстью юбки, попка. Шикарная. Крепкая. Тренированная. Вызывающая обильное слюноотделение у всех, мать его, присутствующих мужиков. Даже у Марка, который вот-вот женится уже в третий раз, и на все похоже, что не в последний.

Олеся надевает наушники, оборачивается через плечо, мажет по мне насмешливым взглядом, возвращается к мишени и на выдохе плавно жмет на курок.

– Точно в яблочко! – поднимает два пальца вверх администратор.

Не знаю... Если бы меня так не возбудило происходящее, может быть, я бы и не облажался. Но случилось то, что случилось, и пятью выстрелами спустя... двумя ее и тремя моими, мне не остается ничего, кроме как признать поражение. Свой последний выстрел я немного смазываю, потому что эта зараза, наверняка специально, подходит ко мне поближе, и я впервые ощущаю пряный аромат ее разгоряченного адреналином тела, который напрочь выбивает почву у меня из-под ног.

– Ну, дела...

– Вот это да! – Доносится со всех сторон.

– Молодец, Олеся! Это ж где ты так науськалась?

– Говорю же – в спорте. Я биатлоном долго занималась, да и вообще... люблю пострелять. – Олеся улыбается парням, косится на маленькие часики на запястье, а сама шаг за шагом отступает к выходу. – Ну, ладно, ребят, я что-то совсем забыла о времени, а у меня дел выше крыши и вообще...

Бормоча под нос путанные объяснения, Олеся скрывается за дверями тира. Но меня это не устраивает. Мне нужна сатисфакция. Иду за ней.

– Постой!

– Да? Еще что-то?

Она нервно одергивает юбку и едва удерживает на лице серьёзное выражение. Смешно ей, выходит? Смешно? Оттесняю ее к стене, залипаю на пухлых, блестящих от влаги губах, скольжу взглядом ниже. Олеся не успела застегнуть полы пиджака, и сквозь тонкий хлопок голубой блузки я вижу, что она не меньше меня взбудоражена происходящим.

– Когда? – хриплю я в не то чтобы успешной попытке усмирить собственную плоть.

– Что, когда?

– Когда я смогу взять реванш?

– О, да брось. Ты же не корову проиграл.

– Плевать. Я хочу реванша. Так когда?

Олеся качает головой.

– Извини. Я здесь оказалась случайно...

– Да-да, у тебя была назначена встреча, – наклоняюсь все ниже, едва не касаясь щекой темного покрывала её длинных шелковистых волос. Нет, ну, как же она все-таки пахнет! Хочу.

– Да, встреча, – голос Олеси превращается в шепот. Зрачки расширяются, окончательно поглощая своей бездонной глубиной золото радужки.

– С кем?

– С одним из арендодателей.

И тут в моей голове будто щелкает!

– С кем? – повторяю настойчивей. – Ты скажи, вдруг я смогу тебе с этим помочь.

– Чем?

– Не знаю. Например, устрою вам встречу. Я здесь многих знаю. Ты же так его и не дождалась?

– На самом деле я опоздала. – Олеся тяжело вздыхает, и ее грудь на какой-то миг касается моего тела. Нас обоих подкидывает, будто от удара током. И пока я немного дезориентирован происходящим, Олесе удастся вырваться из моего окружения. Делая вид, что ничего такого сейчас не было, она тараторит: – Мне нужен Белый Тимур Булатович.

Окей, хорошая моя. Никаких проблем. Будет вам встреча... Эпическая – я бы сказал. Мысленно потираю руки от предвкушения и заставляю себя отойти на шаг.

– Без проблем. Я знаю Тимура.

– Правда?!

– Угу. И все устрою сразу же, как отыграюсь.

– А что, если не выйдет? Отыграться? – Олеся опускает взгляд в пол и принимается нервно покусывать губу. – Или я буду вынуждена поддаться?

– Никак нет. Все по-честному. Еще один раунд и, вне зависимости от результата – я обещаю устроить тебе встречу с господином Белым.

Олеся раздумывает, кажется, целую вечность. А потом достает телефон и командует:

– Диктуй свой номер. Я позвоню, как только определюсь со своим графиком.

Воспоминания меркнут, растворяются... И мной овладевает глубокий сон.

Глава 4

Олеся

Мне кажется, я только-только уснула, когда Дамир меня будит.

– Что такое, сынок? – почему-то шепчу я, переворачиваясь на бок.

– Писать!

Оглядываюсь по сторонам. Сонно моргаю в попытке понять, который час. За окном серо, как может быть на рассвете, или если небо затянуто тучами. А значит, сейчас может быть как пять утра, так и все десять. И это совсем уж никуда не годится, учитывая то, что у меня имеется одно важное дело.

– Сейчас, мой хороший...

Съезжаю к краю дивана. Поднимаю на руки сына и, бережно прижав к себе его темную голову, жадно вдыхаю тонкий аромат детского шампуня и кондиционера для белья. Знаю, сейчас мне как никогда нужно быть сильной, но... я настолько беспомощна, что на глаза набегают слезы. Я хотела дать своему малышу все самое лучшее, а в итоге облажалась по полной.

Как и всегда, Дамиру быстро надоедают мои нежности, и он ужом выскальзывает из моих рук на пол. Трет глаза маленькими кулачками, а ладошкой неосознанно сжимает... ну, то самое. Торопливо веду сына к туалету, пока не случилось беды. У Тимура огромная квартира. Не знаю, зачем ему одному столько места. Была бы у него семья – другое дело, но судя по тому, что на полке в ванной нет абсолютно никаких женских принадлежностей, с этим у него до сих пор не сложилось. И самое страшное, что понимание этого откликается во мне чувством глубокого удовлетворения.

Вздыхаю. Страхиваю с лица остатки сна и быстро осматриваюсь. Конечно, здесь не находится и специальной детской подставки под ноги, так что мне приходится усадить Дамира на унитаз. Ему это категорически не нравится, ведь так справляют нужду лишь девчонки, но выхода у нас нет.

После того, как история с туалетом благополучно завершается, я помогаю сыну умыться. Затем быстро привожу в порядок себя: воспользовавшись пальцем вместо зубной щетки, чищу зубы и возвращаюсь в комнату. Стараюсь не шуметь. Просто потому, что еще не готова к новой встрече с Тимуром. Лучше потом... Вечером. Когда я найду в себе силы сознаться ему в том, что сделала. После нашего ночного разговора я понимаю, что это – мой единственный шанс. Но как же тяжело, господи! Где мне набраться мужества, чтобы все ему рассказать? А главное, что будет потом? Когда все выяснится?

– Давай, мой хороший, одевайся, – говорю я, после возвращения в комнату.

– Зачем?

– Затем, что нам нужно забрать наши вещи у тети Кати.

Дамир кивает, как будто все понимает, и, зевая, садится на диван. Протягиваю ему свитер и колготки, с которыми он только-только научился справляться. Часы на телефоне, который, наконец, отыскивается в недрах сумки, говорят о том, что рабочий день Катерины вот-вот начнется. А значит, мы можем смело ехать за нашим барахлом к ней в магазин. Не знаю, что бы делала, если бы соседка не согласилась нам помочь. Возвращаться домой нам небезопасно.

Торопливо одеваюсь, озираюсь по сторонам – ничего ли не забыла, и, подхватив Дамира за руку, выхожу в коридор. Присаживаюсь, чтобы застегнуть ботиночки сына. На небольшом журнальном столике у двери лежат блокнот и ручка. Пишу Тимуре записку о том, что вечером мы вернемся, в надежде, что он увидит ее и дождется нас. Или сбежит... Тут два варианта. Да-да, я малодушничая даже в этом.

В последний раз оглядываюсь через плечо и закрываю за собой дверь дома, где впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности. Мы находимся в центре. И несмотря на то, что благодаря Тимуру, денег у меня в избытке, я все равно плетусь на остановку. Не хочу ждать такси. Да и среди людей я чувствую себя более защищенной. Автобус приходит быстро. Подхватываю Дамира на руки и забираюсь внутрь. Час пик. Салон переполнен, но нам уступают место. Благодарю симпатичного паренька за возможность присесть и осторожно просачиваюсь на сиденье. Дамир с интересом оглядывается по сторонам – ему такой способ передвижения в новинку, а я отворачиваюсь к окну и, убаюканная легкой качкой, вновь возвращаюсь в прошлое...

Мой взгляд выхватывает его из толпы сразу же. Не знаю, почему. Просто он... выделяется. Не одеждой, даже не красотой, хотя, безусловно, таких красивых мужиков встретить можно не так уж часто, скорее... меня привлекает его манера держаться. Ну, и одна шестая секунды, которая требуется ему на поражение цели, чего уж – совсем неплохо. Даже более чем.

А еще меня ведет от его самоуверенности. От того, как он на меня смотрит. Есть в этом что-то ужасно привлекательное. И сексуальное... для меня. Да и вообще, мужик – вполне в моем вкусе. Темной масти. Ужасно большой. Чем-то даже похожий на моего мужа...

Совершенно некстати в голове всплывают слова соседки.

– И это, знаешь, раз твой Гурам такой... подумай, кто может сделать тебе ребенка вместо него! Будь умнее. Он ведь ничего не узнает... Только, это, мужчинку черненького ищи. Твой-то самец – ясно, какой породы. Чтобы вопросов не было.

И сразу за этим мелькает мысль – вот этого претендента Катерина бы точно одобрила. Решись я с ним переспать, чтобы забеременеть – Гурам бы в жизни не догадался, что ребенок не от него.

Чертыхаюсь про себя и гоню прочь безумные мысли. А когда вновь нахожу в себе силы посмотреть в сторону незнакомца – он уже направляется ко мне. Сердце подпрыгивает и, что есть силы, ударяет о ребра. Дыхание сбивается. Я невольно отступаю, а потом... Клянусь, я не знаю, зачем бросаю ему вызов. Догадываюсь, что ничего хорошего из этого не выйдет, но не могу себе отказать. Почему-то я уверена, что он сумеет оценить противника по достоинству. А мне почему-то так хочется, чтобы он меня оценил...

Я выигрываю с трудом. И, говоря откровенно, не слишком честно. Просто вижу, как он на меня реагирует, и беззастенчиво пользуюсь этим. Тело потряхивает от происходящего. Я просто теряю голову. Меня захлестывает волна желания такой силы, что просто сбивает с ног. А ведь я никогда еще такого чувствовала. Впервые в жизни, мне приходится напоминать себе о том, что я замужем. Потому что, клянусь, рядом с этим мужчиной, я забываю об этом напрочь. Это пугает так сильно, что уже даже восхищение, мелькнувшее в синих глазах незнакомца, меня не радует. Чувствую себя Золушкой. Еще немного, и моя карета превратится в тыкву.

Из тира бегу. Но даже не успеваю перевести дух, потому что он меня догоняет. Мы – взрослые люди и оба понимаем что происходит. Отнекиваться – смысла нет. Когда он наклоняется ко мне так близко, что наше дыхание смешивается, сохранять контроль над ситуацией становится почти невозможно, и это чудо, что мне удается от него отвертеться. Пусть даже для этого приходится пообещать ему новую встречу. Плевать. Я ни за что ее не допущу.

Выбегаю из здания. Как безумная, озираюсь по сторонам. Становится ощутимо прохладнее. Ежусь под пронизывающим до костей ветром. Мои трусики мокрые. Боже, как стыдно! Бежать... Бежать отсюда, куда глаза глядят. Ничего ведь не случилось! И на этом месте свет клином не сошелся. Если продолжить поиски, то я обязательно найду подходящее помещение. Надеюсь, за это время мои девочки не разбегутся – иначе грош цена мне, как тренеру.

Ловлю такси, потому что трястись до дома в автобусе у меня сейчас просто нет сил, и усаживаюсь на заднее сиденье. Так у меня гораздо больше шансов, что таксист не станет впускать меня в диалог. В животе противно тянет, я не знала, каким мучением может обернуться

неудовлетворенное желание. И вовсе не потому, что у нас с мужем все так хорошо в сексе. К сожалению, двенадцать лет совместной жизни не добавляют нашим отношениям огня. Скорее я просто не испытывала ничего подобного раньше. Вот так... чтобы болело все. Даже в самом начале наших отношений с Гурамом, я не хотела его так сильно. Я... знаете, я вообще не очень страстная.

– Девушка! Приехали...

Моргаю. Открываю сумку, достаю кошелек, отсчитываю деньги водителю. В коридорчике, который у нас один на двоих с соседями – пахнет борщом. Я вспоминаю, что не ела, но как только переступаю порог собственной квартиры, опять забываю об этом. У меня есть план. И все мои мысли вертятся вокруг него. Нет, конечно, не все... Кому я вру? Но я заставляю себя сосредоточиться именно на этом. Скидываю туфли, включаю компьютер и, пока тот грузится, стаскиваю с себя одежду. И тут понимаю, что живот у меня болит вовсе не из-за незнакомца в тире. У меня начались месячные. Опять... Вот такие дела. Утренняя истерика снова подкапывает к горлу, но я заталкиваю ее поглубже. Мне нужно найти новое помещение для студии, иначе мне не только детей не видать, но и собственного дела.

А ведь если бы ты попробовала переспать с красавчиком, все могло бы и выйти! – черти в моей голове почему-то разговаривают голосом Катерины. Мысленно велю им заткнуться и открываю поисковик.

Гурам приходит домой ближе к ночи. Обмениваемся ничего не значащими фразами о том, как прошел день. Пока болтаем, грею мужу ужин. Знаю, он недоволен, что я не успела приготовить что-нибудь свежее, поэтому старательно отвожу взгляд. Гурам ест без всякого аппетита и отставляет тарелку. А когда я принимаюсь убирать грязную посуду, без всяких прелюдий наклоняет меня над столом.

– У меня месячные, – шепчу я мужу, и он тут же отстраняется. Зачем? Почему? Непонятно. Я ведь не отказывала ему, просто предупредила. Раньше нас это не останавливало, но не теперь...

– Я тогда спать пойду. Устал жутко.

И все? Он даже не спросит, как я? Закусываю губу и гляжу вслед его удаляющейся фигуре. Поверить не могу... Наверное, Гурам, как и я, устал от того, что у нас ни черта не выходит. Но мне-то от этого не легче. Я хочу, чтобы он был рядом. Прижал к широкой груди. А я бы забралась к нему на колени, как делала раньше, и поделилась своей болью. Разве я так много прошу?

Стараясь не заплакать, убираю тарелки и возвращаюсь к компьютеру.

Я бьюсь как рыба о лед еще неделю. Но все безрезультатно. Как на грех, в нашем районе нет ни одного подходящего мне помещения, а переезжать в другой – означает терять большую часть клиентов. Девочки звонят, интересуются, когда занятия возобновятся, и я понятия не имею, что им говорить. А тут еще Гурам подливает масла в огонь...

– Просто признай, что это все не твое, – улыбается он и закидывает мои ноги себе на колени.

– Что именно?

– Бизнес. У тебя же ни черта не получается.

Сглатываю. Стараюсь не показать, как мне обидно. Если честно, за все время, что мы женаты, я уже даже привыкла к такому его отношению. Не то, чтобы я была вторым сортом для Гурама, нет... Но я – женщина. А он – восточный мужчина. Этим все сказано. И больно мне даже не от его шовинистических высказываний. А от того, что это «ни черта не получается» можно применить ко всей моей жизни. В спорте у меня тоже ничего не вышло. Да что там... Я даже забеременеть не могу, хотя у большинства женщин с этим вообще не бывает проблем.

Горло перехватывает. Жжет. Встаю с дивана...

– Эй, ты куда?

– Сейчас вернусь. Только позвоню в одно место.

Иду в спальню, достаю из кармана телефон, открываю контакты... Несколько секунд тупо пялюсь на них, не решаясь нажать кнопку вызова, и, вздохнув поглубже, все же прикладываю трубку к уху.

– Да! – слышу знакомый низкий голос на том конце связи.

– Добрый вечер. Это Олеся... Помните? Из тира. Вы говорили, что сможете мне устроить встречу с господином Белым.

Пауза в трубке давит на нервы – чем дальше, тем сильнее.

– Добрый вечер, Олеся. Конечно, я помню. Вас очень трудно забыть. Тем более что мой реванш так и не состоялся.

– Собственно, я поэтому вам и звоню. Как насчет того, чтобы встретиться завтра? Вам удобно?

И снова пауза... Будто он всерьез раздумывает над моим предложением или сверяется со своим расписанием. Почему-то только сейчас я понимаю, что я ничего... абсолютно ничего не знаю об этом человеке, кроме того, что даже разговор с ним заставляет мое сердце биться сильнее.

– Хорошо, Олеся. Скажем, в восемь?

– Утра?

– Вечера, – звучит его тихий смех, – в восемь вечера. Вас устроит?

Глава 5

Тимур

Когда я просыпаюсь – время на часах близится к одиннадцати. Со стоном откидываюсь на подушку. Голова трещит, во рту пересохло, и меня со страшной силой мутит. Наверное, старею. Раньше я никогда не мучился похмельем. Заставляю себя отлепиться от кровати и иду в душ. Вряд ли я выдержу обязательную утреннюю тренировку, но ведь хоть с чего-то надо начинать этот проклятый день? Склоняюсь над раковиной и сую голову под обжигающе холодную воду. Так лучше... Вода с волос стекает по горячей коже под резинку боксеров. И похмельный озноб становится еще сильнее. Мне бы согреться. Тянусь за полотенцем, нечаянно сбиваю рукой на пол мыльницу, а когда наклоняюсь, чтобы ее поднять, замечаю это... Изрядно потрепанного плюшевого оленя, который мог здесь оказаться, только если то, что я спросонья принял за сон – реальность.

Ноги отказываются держать. Тяжело опускаюсь на крышку унитаза и залипаю на игрушке в руках. По крупичкам восстанавливаю в памяти события вечера, что довольно нелегко – ведь я был пьян, а потом еще и добавил сверху на старые дрожжи.

– Да чтоб его!

Сиди – не сиди, а что-то нужно решать. И для начала нам бы не мешало все обсудить по новой. На трезвую голову. Отстранившись от эмоций. Холодно и расчётливо. Но оттягивая неизбежное, я плетусь в душ и стою там так долго, что когда выхожу – ванную укутывает плотным облаком пара. Касаюсь пальцами запотевшего зеркала, ладонью стираю влагу. Красавчик! Чертов Красавчик... Так чего же так тошно, а?

Резко отворачиваюсь, толкаю дверь и выхожу в коридор. В квартире по-прежнему тихо. Я, конечно, ничего не знаю о детях, но разве это нормально – спать так долго? Заведенный донельзя, иду в кухню. Взгляд цепляется за две вымытые чашки, стоящие в пустой сушилке – еще одно доказательство того, что Олеся действительно здесь. Как будто мне мало гребаного оленя, чтобы в это поверить.

Залпом выпиваю свой кофе и делаю еще одну порцию, решив, что пока они спят, могу и поработать. Иду по коридору, с зажатой в руке чашкой, по сторонам не смотрю – чего я здесь не видел? – но в какой-то момент торможу так резко, что горячий эспрессо выплескивается из чашки и обжигает мне руку. Медленно оборачиваюсь. Ни куртки, ни голубого комбинезона. И обуви тоже нет. А ведь никто из нас не потрудился убрать это все в гардероб. Я – потому что был пьян. Олеся... очевидно, потому, что не считала себя вправе хозяйничать в моей берлоге.

Пульсирующая боль в глазу усиливается. Я прищуриваюсь в безуспешной попытке с ней справиться. Еще раз неверяще обвожу взглядом коридор и, медленно отставив чашку на высокий столик в углу, пересекаю холл. В гостиной никого. Постель убрана. А белье сложено стопочкой в кресле.

– Какого хрена? – спрашиваю у пустоты. – Какого, мать его, хрена?!

Из глубин подсознания на поверхность всплывает затаившаяся там ярость. Какого черта эта бесячья баба думает, что может появляться в моей жизни, переворачивать ее вверх дном и уходить – даже не попрощавшись? Хватаю первый попавшийся под руку предмет и, что есть силы, швыряю о стену. Резкий звук взрывается в голове, заставляя меня покачнуться от боли. Сжимаю челюсти, иду в кабинет, включаю записи камер и, отмотав назад, почему-то снова возвращаюсь мыслями в прошлое.

Она звонит, когда я практически забываю о той истории в тире. В моей жизни полным-полно других дел и забот. Да и красивых баб в ней достаточно. Посреди недели я срыва-

юсь в Давос, где у одного из наших клиентов случается неприятность, и возвращаюсь только в воскресенье. Уставший и злой.

По телефону голос Олеси кажется еще более сексуальным, чем в жизни. Мы просто разговариваем, а у меня стоит. Давно со мной такого не происходило.

Первым делом с утра велю закрыть тир на спецобслуживание. Мне не нужны посторонние. Только она. Желательно на коленях. Мой план до банального просто – получить и успокоиться.

Олеся появляется ровно в восемь. Мне нравится то, что она не пытается набить себе цену, опаздывая. Будто чувствует, что я это вряд ли оценю.

– Привет. А где все? – интересуется она, обводя взглядом пустующее помещение.

– Здесь только ты и я.

Вижу, что мой ответ ее напрягает, но не спешу ничего объяснять. Олеся – умная барышня. И все понимает. По крайней мере, я на это надеюсь – глупые игры мне ни к чему.

– Странно.

– Что именно?

– Я думала, реванш тебе нужен для того, чтобы не ударить лицом в грязь перед друзьями.

– Ты ошибаешься, – пожимаю плечами, – мне уже давно ничего и никому не нужно доказывать.

– Такой крутой?

– Я бы сказал – самодостаточный. А ты?

Кажется, мой вопрос снова накаляет атмосферу, хотя в этот раз я не понимаю, что такого сказал.

– Да вроде тоже ничего. По крайней мере, никто не жаловался.

Опираюсь задницей о тумбу и, сложив руки на груди, обвожу Олеся ленивым взглядом. Она хватается винтовку и начинает проверять оружие. Немного нервными, но один черт отточенными движениями профессионала.

– Зачем тебе то помещение? – интересуюсь я, когда пауза, повисшая между нами, затягивается.

– Что? – Олеся отвлекается от своего занятия и смотрит на меня действительно непонимающе, будто вообще забыла, что я стою рядом.

– Спрашиваю, зачем тебе то помещение. Оно же абсолютно пустое и небольшое совсем.

– Откуда ты знаешь?

– Да так. Навел справки. Не так уж много у Тимура сдается добра. Так расскажешь, почему именно этот зал?

– Потому что моя студия аэройоги осталась без крыши над головой. А этот зал – единственный подходящий во всем районе, – отвечает Олеся, вновь склоняясь к винтовке, и, резко меняя тему, замечает: – Похоже, здесь сбит прицел.

Веду взглядом по ее круглым бедрам. Сегодня она выглядит совсем иначе, чем в день нашей первой встречи. На ней простые черные леггинсы и свободный вязаный свитер цвета маренго. Похоже, эта девочка готовится побеждать. Вон, даже наряд выбрала из соображений практичности, а не красоты. Хотя любая другая на ее месте – сто процентов бы поставила на последнее. Такому Олесиному подходу лично у меня есть два объяснения. Либо ей действительно на меня плевать – что маловероятно, учитывая всю ту химию, что между нами творится, либо она понимает на порядок больше других. И знает, что хорошая драка заведет меня побольше всяких сексуальных одеяний.

Подхожу к ней вплотную. Кожей чувствую, как она замирает в каких-то миллиметрах от меня. Сердце бахает в груди. Наклоняюсь. Практически накрываю своим большим телом ее. Повторяю контуры и изгибы. Лицом почти касаясь ее лица. Шелковая чернильного цвета пряжка ложится на мою щеку, покрытую густой щетиной. У Олеси изумительная чистая кожа.

Гладкая, без изъянов. Лишь маленькая родинка над бровью. Приникаю к ней губами... А она судорожно сглатывает и немного отстраняется, давая мне возможность проверить прицел. Передергиваю и... бах!

– Ты спятил?! – возмущается Олеся, телом отталкивая меня прочь.

– Ты просила проверить прицел.

– Но не так же!

Ее слегка потряхивает. Ладно. Я для того и выстрелил, чтобы выбить ее из колеи. Чувство опасности – странная штука. Оно заводит... В её глазах плещется ярость, но губы дрожат – выдавая страх и странную детскую незащитность. Медленно поднимаю руку и прижимаю пальцем к зубам ее пухлые губы. Дрожь Олеси усиливается, передается мне. Мурашки бегут от пальцев вверх и стекают вниз по позвоночнику. Ярость из ее глаз уходит, уступая место... отчаянию. Не понимаю, что с ней не так? Но не могу остановиться, проанализировать. Особенно, когда она с тихим стоном капитуляции послушно приоткрывает рот. Осторожно проталкиваю палец. Она несмело касается его языком, и в этом движении вроде бы нет ничего такого, но оно буквально нокаутирует меня.

– Черт, милая...

Подхватываю ее под попку и усаживаю на высокую тумбу. По обе стороны от меня – ее широко разведенные ноги. Упираюсь двумя ладонями в дерево, не давая сбежать, и прячу лицо на её груди. Мне бы перевести дух, но как это возможно, когда прямо перед глазами Олеськины крупные, напряжённые так, что их видно сквозь толстый свитер, соски. Трюсь лицом о левую грудь. Прикусываю вершинку зубами. Она тоненько стонет.

– Что такое?

– Подожди! Я не могу...

Но её голосу недостает твердости. И мы оба это понимаем. Смотрю прямо на нее и с силой прикусываю сосок зубами. Даю понять, что мне ни к чему эти игры. Олеся всхлипывает, подается назад и запрокидывает голову. Отлично... Идеально просто. Медленно-медленно, поигрывая с вязаным краем, задираю свитер к шее. Но она вновь перехватывает мою ладонь, сжав пальцы в вялой попытке остановить меня.

– Нет... Извини, я, наверное, пойду.

– Черта с два! Ты знала, зачем здесь.

– Нет!

– Да! Или это шлюшь белье на тебе оказалось случайно?

Прихватываю яркую сочную бусину вместе с белым кружевом и жестко фиксирую между пальцев. Пусть вас не обманывает белый цвет. Её белье действительно шлюшь. Тонкое, как паутинка. Абсолютно прозрачное. Не могу представить, чтобы кому-то пришлось в голову носить такое просто так.

– Ублюдок!

– Лгунья!

Наклоняю голову. Один сосок продолжаю терзать пальцами, второй втягиваю в рот. Перекаत्याю на языке – в такой близости пряный густой аромат ее тела становится еще отчетливее. И это не духи и не парфюмерия. Она вся так пахнет. С головы до ног. Я уверен, что если зарюсь лицом между ее бедер... Мысли обрываются, когда мне на затылок ложится ее ладонь, а вторая опускается к моей ширинке. В ином случае я бы предпочел растянуть удовольствие, но сейчас – я слишком на взводе. К тому же мне интересно, как она отреагирует, когда поймет, с чем ей предстоит иметь дело.

– Ох... – выдыхает Леся, когда ее пальцы, наконец, проникают мне под белье. Раздвигаю губы в хищной улыбке. Что? Не ожидала? Отступаю на шаг. Глядя ей в глаза, сначала стаскиваю через голову футболку, а после опускаю на колени штаны. – Ох... – повторяет Олеся.

И я просто хмелею от ее жаркого взгляда, хотя уже давно привык к тому, как бабы на меня реагируют.

Облизываю губы и озираюсь по сторонам. Дурдом. Мало того, что это место совсем не приспособлено для всего происходящего между нами, так еще и камеры пишут. Схему их расположения я могу начертить с закрытыми глазами. Впрочем, как и во всем этом здании. А еще я знаю обо всех слепых зонах, но почему-то не тороплюсь уходить из-под прицела камер.

Пока я медлю, Олеся соскальзывает с высокой тумбы на пол. Подхожу вплотную, опасаясь, что она опять даст деру, но ничего подобного не происходит. Она лишь достает презерватив из кармана и зубами надрывает фольгу.

– Ну, вот... И зачем только корчила из себя недотрогу? Плохие девочки мне нравятся намного больше... – с губ слетает сытый довольный смешок.

В ее глазах мелькает что-то такое, что заставляет меня насторожиться, но потом она резко опускает ресницы, чтобы осторожно впервые меня коснуться.

– Сильнее, милая. Я не хрустальный.

Не хрустальный – факт. И вообще любитель пожестче. Но она не торопится следовать моим подсказкам. Просто натягивает презерватив и, секунду помявшись, поворачивается ко мне задом.

Дурацкая какая-то ситуация. Я абсолютно голый. Она – полностью одетая. Все как-то неправильно. И не так, как я планировал изначально. В небольшом отеле, который занимает в этом здании четыре этажа – от восьмого до двенадцатого – заказан номер, где нас ждет шампанское и клубника, а мы здесь... Как неприкаянные. Впрочем, никто ведь нам не запрещает продолжить, правда? А так... даже как-то пикантнее. Рывком спускаю ее штаны, провожу пальцами по промежности, проверяя, насколько она готова, и, убедившись, что готова полностью – плавно в нее вхожу.

Телефон звонит, обрывая поток моих воспоминаний на самом интересном месте. Я был так далеко, что мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы картинка перед глазами рассеялась.

– Да, Олег? Что-то случилось?

– Вы не сказали, куда топтунов присылать. Для девушки...

Зажимаю трубку плечом, иду в коридор, где, если верить камерам, растыканным по квартире, Олеся оставила мне записку. Беру в руки лист. Слава богу, эта дурочка додумалась написать адрес, и я диктую его Олегу.

Глава 6

Олеся

Горжусь ли я тем, что сделала? Нет. Нисколько. Наверное, мое отчаяние могут понять только те, кто раз за разом, в течение многих лет, пытался – и каждый раз терпел поражение. Каждый чертов раз. Один бог знает, сколько слез я пролила и как много боли мне досталось. Да, наверное, это не оправдание. И, может быть, я последняя дрянь. Но глядя на своего сына, я понимаю, что если бы мне дали возможность исправить прошлое – я бы ничего не стала менять.

– Хочу шарик.

Замираю посреди только-только открывшегося и еще практически пустого торгового центра. Опускаюсь на корточки, чтобы быть с сыном вровень. Дамир очень похож на своего отца, но осознание этого приходит не сразу. Его лицо по-детски округло, и это будто сглаживает, смягчает его черты. Но если поставить их рядом и сравнить по отдельности – форму губ, носа, или тот же разрез глаз с немного поднятыми к вискам уголками – только слепой не догадается, кто отец моего сына на самом деле. Если честно, я даже не знаю, хорошо это или плохо – то, что Тимур вчера не имел возможности его как следует разглядеть. Ожидание смерти много хуже ее самой... Факт, с которым сейчас я бы не стала спорить.

– Ничего, если мы купим шарик в другой раз?

Дамир пожимает плечами и снова послушно берет меня за руку. Он чудесный малыш. Разве что слишком серьезный для своего возраста. Другой бы на его месте закатил истерику, а этот... Чувство вины накрывает меня с новой силой. Выпрямляюсь во весь рост и решительно меняю курс.

– Знаешь, что? Думаю, ты прав. Мы купим его прямо сейчас, а то вдруг их все разберут, правда? – несу чушь, чтобы скрыть все сильнее нарастающую тревогу. – Только ты сам его понесешь. Хорошо? Я привяжу его к твоей ручке, чтобы он случайно не улетел.

Мой малыш кивает. Вместе мы идем к стойке с воздушными шарами и выбираем самый красивый. Дамир выглядит ужасно довольным. Улыбается, демонстрируя мелкие белые зубки, и в нетерпении переминается с ноги на ногу, пока я, снова опустившись на корточки, завязываю ленту на его запястье. От волнения мои пальцы немного подрагивают, и на все про все уходит немного больше времени, чем я рассчитывала. Исподлобья оглядываюсь по сторонам.

– Все!

Дамир запрокидывает голову, расставляет руки, подобно крыльям самолета, и вот так, не глядя под ноги, бежит вперед.

– Дамир, упадешь!

Догоняю сына у самого эскалатора. Беру на руки и звонко целую в нос. Он – все, что у меня осталось, с тех пор как погиб Гурам. Прижимаю его крепкое тельце сильней, в отчаянной попытке скрыть слезы. Не знаю, почему их во мне так много! Может быть, от того, что мне даже не позволили оплакать смерть мужа. Его брат объявился в день гибели Гурама в автокатастрофе и огорошил меня новостью о том, что теперь, по обычаям их народа, я должна выйти замуж за него. Ну, не смешно ли? Смешно. Вот и я рассмеялась... Я ведь тогда не знала, что этим нанесу ему оскорбление, хуже которого нет. Я вообще ничего не знала о семье Гурама, кроме того, что он оборвал с ними все контакты. И всё сказанное его братом я, как любой нормальный современный человек, восприняла как шутку. Не слишком удачную шутку человека со съехавшей набекрень крышей. Понимание того, что никто со мной шутить не собирается – пришло позже. А с ним пришел страх. И злость. Злость на покойного мужа, который никак не подготовил нас к тому, что случилось. И не защитил от людей, власти которых сама бы я ни за что не смогла противостоять.

Схожу с ленты эскалатора и снова озираюсь по сторонам. Праздники позади, но залы торгового центра все еще украшены искусственными еловыми ветками и рождественскими гирляндами. Дамир еле плетется, завороченно наблюдая за всем этим опостылевшим кому угодно, но не ему, великолепием. А между тем магазин одежды, в котором моя соседка работает продавщицей, находится в самом дальнем конце торгового зала, у пожарных выходов. На всякий случай дергаю дверь – и, к удивлению, она поддается. Хорошо... В случае чего – у меня, по крайней мере, будут пути отступления. Чувствую себя параноиком, но в той ситуации, что я оказалась, лучше сто раз перестраховаться. До этого мне просто чудом везло. Но я не могла полагаться на это везение и дальше. Именно поэтому, после долгих раздумий, я и пришла к Тимуру.

– Ну, наконец-то! Господи, знаешь, как я волновалась?! Почему ты не позвонила? – Катя выскакивает мне навстречу из-за кассы, привлекая ненужное внимание к нам с сыном.

– Чего ты орешь? – шепчу я.

– А как тут не орать?! Я уже думала, этот сумасшедший до вас добрался! – шипит соседка, подталкивая меня в сторону примерочных.

– Я не могла позвонить! Вдруг мой телефон прослушивается? Или на нем какой-нибудь маячок...

– Господи! Я совсем об этом не подумала! А оно ж может быть, Олесь! Ну, вот как я своему Даньке часы купила... Я тебе говорила? Там даже прослушка есть. Жмешь на кнопочку, и все, что в радиусе десяти метров у него там происходит, слышишь! Представляешь, до чего дошли шпионские технологии?!

– Представляю.

– Может, тебе тоже такие часы Дамиру купить?!

– Зачем?

– Ну, как же? Чтобы знать, где он находится!

– При желании их можно влёгкую сорвать с руки. Что толку, если я буду знать, в каком месте его похитили? Тем более что я его никуда от себя отпускать не собираюсь. Не в ближайшую сотню лет – так точно.

Тяжело опускаюсь на обитую лиловым бархатом банкетку в примерочной. Что-то чем дальше – тем страшней. Противный холод сковывает затылок и тоненьким ручейком стекает вниз по позвоночнику. Может быть, зря я доверилась Катерине – энтузиазма и смелости в ней с избытком, а вот ума...

– Ну?! А что, если они за тобой пришли?!

Катерина высовывает голову за шторку и с подозрением оглядывает зал.

– Кать, прекрати! Мне и так страшно! А ты еще нагнетаешь... Лучше скажи, тебя кто-нибудь видел с сумками?

– Вот еще! Я их ночью в Колину машину перетаскала.

– А ночью зачем? – отвожу ладони от лица. – Ты же этим только внимание привлекла, если за домом следили! Какой дурак таскает сумки ночью в машину и никуда потом не едет?!

– Ну, если бы я куда-то поехала ночью с сумками – тоже так себе вариант.

С этим не поспоришь. То, что сумки можно было вынести к машине утром, Кате почему-то в голову не приходит. Наверное, она пересмотрела бандитских сериалов. Растираю лицо руками и выглядываю из закутка примерочной.

– Дамир, не отходи далеко...

Дамир, который занимается тем, что отодвигает туда-сюда шторки в других примерочных, послушно кивает и вприпрыжку бежит ко мне. Красный шарик невротично подпрыгивает у него над головой.

– Так, где ты была?! Рассказывай!

– У отца Дамира, – вздыхаю. Глаза Катерины округляются. Челюсть плавно отъезжает вниз.

– Я так и знала, что Дамир не от Гурама! Вот сердцем чувствовала. А ты, еще подруга называется, лапшу мне на уши вешала!

– Да тише ты! Всему магазину об этом знать не обязательно.

– И как он отреагировал?

– На что? – начинаю жалеть о том, что все рассказала, буквально в ту же минуту, но слово – не воробей, чего уж.

– На то, что у него есть сын!

– Э-э-э... Ну, как бы до этого у нас речь не дошла.

– Зачем же ты к нему ходила?!

Вопрос на миллион. Подтягиваю к себе сумку, чтобы выиграть немного времени, бестолково дергаю молнию.

– Потому что у него такая профессия... В общем, думаю, он сможет нас защитить. Дамир! Сынок, иди сюда! – снова одергиваю сына, который отбежал в сторону на пару метров.

– Он что, мент?! – вскидывает брови Катерина.

– Кто? – туплю я.

– Да ведь отец Дамира! Кто ж еще?!

– А-а-а. Тимур?

– Ну, уж не знаю. Тимур или Вася Ветров!

Улыбаюсь, довольная тем, что Катерина, сама того не ведая, дала мне отличную подсказку. Все же она абсолютно не понимает серьезности ситуации, раз думает, что мне хоть чем-то сумеет помочь какой-то там мент. Киваю:

– Да... Да, он из... полиции.

– Тогда ты правильно сделала, что к нему пошла!

– Очень на это надеюсь, – застегиваю баул с вещами и делаю глубокий обжигающий легкие вдох. Я не говорила Катерине, какую сумку ей следует взять, она остановила свой выбор на огромной спортивной сумке Гурама, с которой он обычно ходил на тренировку. Сердце полусует боль. Не могу смотреть равнодушно на эту вещь. С ней связано столько воспоминаний... Медленно выдыхаю. Закидываю длинную ручку на плечо и подхватываю рюкзак поменьше. – Мы, пожалуй, пойдем. Спасибо тебе за все.

– Найди способ сообщить мне, как вы! Надеюсь, все скоро закончится!

Я тоже очень на это надеюсь. Мне тяжело и ужасно жарко от того, что я так и не сняла куртку, но я один черт медлю и обнимаю Катерину, перед тем как уйти. Тем более что Дамир в кои веки послушался и затаился мышкой в двух шагах от меня.

К выходу из магазина идем, не оглядываясь. Еще немного, и я снова почувствую себя в безопасности, хотя... Меня не покидает мысль, что гнев Тимура может оказаться более страшным, чем даже свадьба с чудовищем, от одного вида которого у меня все внутри стынет.

Ободряюще улыбаюсь сыну и тяну на себя дверь, ведущую на лестницу. Из динамиков торгового центра льется не надоедающий «Джингл беллз», в котором тонет крик Катерины.

– Олеся! Авдалова! Стой!

Оборачиваюсь. Катя несется ко мне через зал, вытянув перед собой мою дамскую сумку. Вот же черт. Дырявая моя голова – я чуть действительно ее не забыла! Хлопаю себя ладонью по лбу, отвлекаясь на какую-то долю секунды, а когда вновь перевожу взгляд на сына, его уже тащат прочь от меня. Катя начинает орать и махать руками. Прохожие тормозят, но все произошло так быстро, что они не успели осознать то, что случилось. Вряд ли кто-то мне сможет помочь! Паника ударяет под колени. На секунду я теряю равновесие – меня парализует дикий первобытный ужас, но потом в мозгу будто что-то щелкает. И я, сорвавшись, со всех ног бегу... Я забываю все... Все на свете. И то, что скорость – не мой конек, а меткость, я забываю в первую

очередь. Сейчас мне все равно. Это не долбанные соревнования! Я несусь вниз, перепрыгивая ступеньки, в отчаянном рывке хватаю за куртку нападающего. Но он бьет меня что есть сил по лицу. На какой-то миг я вновь теряю координацию, и как раз в этот момент, наверное, самый неудачный момент из возможных, появляются другие... Они говорят на языке, который я не понимаю. А может быть, просто в плаче моего мальчика теряется всякий смысл их слов. Рвусь к нему, как дикая кошка. Мне плевать на кровь, струящуюся по губам из разбитого носа, как плевать и на то, что только этими увечьями никто не планирует ограничиваться. Я кусаюсь, царапаюсь и бью ногами, пока меня не вырывают.

Сознание уплывает. Меня качает. Как-то чудом я понимаю, что нас затолкали в машину, но, сколько ни пытаюсь открыть глаза – не могу. И самое страшное, что чем больше я прикладываю к этому усилий, тем слабей становится моя воля. В конечном счете, я будто проваливаюсь в невесомость. Настоящее теряется в окутавшем тумане. Меня затягивает прошлое, но эти воспоминания настолько хаотичны, что я не могу надолго остановиться ни на одном из них.

– Подожди! Я не могу... Ублюдок...

– Лгуня!

Он бьет точно в цель. Я действительно лгу... Лучше бы мне прекратить все, пока я окончательно не пропала! Но испорченный презерватив жжет через плотную ткань одежды, а мечта, ставшая вдруг такой реальной – слепит глаза. Должно быть, я выгляжу заинтересованной! Но все, чего я хочу в этот момент – это, наконец, забеременеть. Окончательно сдаюсь в плен охватившего меня сумасшествия. Поворачиваюсь задом и прогибаю спину. Он ужасно большой, и я не пойму, почему он все никак не заканчивает, потому что дискомфорт, с которого все началось, постепенно перерастает в настоящую боль.

– Кончай! – хрипит он, – ну же! Давай! Сейчас...

Ах, вот оно в чем дело! Господин – джентльмен. Мягко стискиваю его внутренними мышцами и даже что-то пишу на выдохе, имитируя оргазм. Но с облегчением выдыхаю, когда он сам заканчивает глубоко-глубоко во мне.

Глава 7

Тимур

Не нахожу себе места. Брожу из комнаты в комнату, но не могу избавиться от странного сосущего ощущения внутри. Почему-то мою тревогу совсем не гасит тот факт, что я подстраховался и послал за Олесей парней, которые непременно за ней приглянут. Мой внутренний голос вопит. А я всегда прислушиваюсь к своему предчувствию. Эта отточенная годами тренировок коммуникация спасала мою задницу столько раз! Останавливаюсь посреди холла. Закрываю глаза и, погружаясь в глубины собственной психики как можно глубже, усилием воли вгоняю себя в легкий транс. Отсеиваю все суетное. А секундой спустя хватаю с вешалки первую попавшуюся куртку и в чем есть выбегаю из дома.

Пока машина греется, прокручиваю в голове наш ночной разговор с Олесей. Воскрешаю перед глазами ее образ и, будто сорвав этим засовы с тайников своей памяти, в который раз за эти проклятые сутки возвращаюсь назад. Не хочу вспоминать... Но, гори оно все в аду, не могу ничего с этим сделать, как ни пытаюсь.

Оргазм взрывается в моей голове ослепляющей белой вспышкой сверхновой. Окружающая действительность меркнет. Её нет. Перед глазами – круги. В ушах – ее тихие всхлипы, в носу – её аромат, а на языке – вкус. Сейчас она – моя единственная реальность. Веду широко открытым ртом по её покрытой испариной шее и, не в силах остановиться, подкидываю бедра снова и снова. Олеска извивается. Понятно, что после оргазма ей это все может быть не слишком приятно, ведь все чувства обострены, но я не могу себе отказать и вновь осторожно начинаю ласкать ее соски пальцами. Какое-то сумасшествие...

– Что ты делаешь?

– Продолжаю.

Толкаюсь сильней и понимаю, что и впрямь уже вполне могу продолжить.

– Подожди... Мне нужно... нужно привести себя в порядок.

Раздумываю каких-то пару секунд и, понимая, что она права, нехотя отстраняюсь. Член и не думает падать! Растягиваю губы в улыбке, рывком снимаю резинку и натягиваю штаны. В полуметре от меня одевается и Олеся.

– В тире душа нет, но на пару этажей выше у нас заказан премиальный номер с отличным джакузи...

Олеся отводит взгляд и кусает и без того воспаленные губы.

– Ну, а туалет здесь есть?

– Да, конечно. Выйди из тира и до конца налево.

– Я тогда пойду... – шепчет она.

– Иди. А я пока здесь все закрою и поставлю на сигнализацию. Подожди меня у лифтов.

Я справляюсь быстро. Так быстро, что если бы Олеся соизволила меня дождаться, то не успела бы даже соскучиться. Вот только её и след простыл. Набираю номер, который сохранил в памяти телефона, но она раз за разом сбрасывает вызов. А я так зол, что она похерила мне все планы! Но в то же время самую малость заинтригован. Интересно ведь, что за тараканы у нее в голове... Поэтому утром, после обычной каждодневной оперативки, первым делом прошу свою секретаршу перезвонить моей несостоявшейся арендаторше. Следом убегаю на встречу, участвую в тренировке по рукопашному, которую по старой памяти проводит отец, а потом надолго зависаю с ним, обсуждая дела компании. Работы полно. В общем, когда Лена докладывает о том, что таки согласовала время встречи с Авдаловой, туплю пару секунд, прежде чем вспомнить, кто это вообще такая.

– И? Она подтвердила, что будет?

– Да. Но мне показалось, что Олеся Юрьевна была не слишком уверена.

– Опоздает хоть на минуту – шли лесом, – пожимаю плечами и возвращаюсь к себе.

Мне очень любопытно, как Олеся отреагирует на то, что я и есть тот самый Тимур Булатович Белый. И это довольно забавно. Давно я не испытывал таких эмоций. Даже банального интереса к кому-то. А тут... что уж говорить – зацепила. Наверное, поэтому утром следующего дня я провожу у зеркала чуть больше времени, чем обычно. Придирчиво выбираю костюм, которых у меня очень много – я люблю дорогие качественные вещи и, насколько это возможно, слежу за модой. То, что для отца и брата – постоянный повод для шуточек, для меня – необходимость. Наши клиенты – самые богатые и влиятельные люди мира. И поскольку я – лицо нашей компании, мой внешний вид действительно имеет значение.

К удивлению, Олеся опять опаздывает. Ей назначено на одиннадцать. Но на часах одиннадцать ноль одна, а ее все нет. Меня охватывает досадное чувство разочарования. Почему-то я решил, что ей чужды все эти бабские игры, которые я терпеть не могу. Сую руки в карманы и, нервно поигрывая мелочью, отворачиваюсь к окну. Дело близится к весне – так что транслируемая картинка совсем не радует. Грязный пожухший снег, проплешины голой земли на клумбах и озябшие потемневшие от февральской сырости деревья.

А потом дверь в мой кабинет открывается и вновь захлопывается за посетителем. Напряженно застываю, вслушиваясь в нерешительный перестук каблучков.

– Добрый день, Тимур Булатович. Я – Олеся Авдалова. У нас назначена встреча, но вашего секретаря не оказалось на месте, поэтому я взяла на себя смелость войти без приглашения.

Грудной голос Олеси обволакивает меня. Я закрываю глаза и с наслаждением погружаюсь в этот звук с головой. Перед глазами тут же проносятся картинки нашей последней встречи. Я воспламеняюсь мгновенно. Медленно оборачиваюсь, пока не оказываюсь к ней лицом.

– Что за... – шепчет она, отступая к дверям. – Какого...

– Добрый день, Олеся.

– Где Белый? Как ты все это подстроил?!

– Белый – перед тобой, – оскаливаю зубы в улыбке. – Собственной, так сказать, персоной.

Олеся открывает рот, но тут же прячет лицо в ладонях. В то время, как я сам со все возрастающим интересом наблюдаю за происходящим. Удивительно, но, в отличие от нашей последней встречи в тире, на этот раз Олеся принарядилась. Еще один костюм. Не тот, что я уже имел счастье на ней лицезреть. Узкая юбка-карандаш, обтягивающая ее шикарные бедра, жилет и кипенно-белая блузка под горло, как у какой-нибудь зубрилы. Словом, довольно скудно, но почему-то я все сильнее завожусь.

– Надеюсь, ты вдоволь посмеялся, – усмехается Олеся.

– Только не говори, что обиделась.

– Нет. Просто выставила себя идиоткой. Впрочем, мне и поделом.

Растерянно пожав плечами, Олеся разворачивается на сто восемьдесят градусов и шагает к двери. Но я успею вовремя среагировать.

– Эй, погоди. Мы ведь не закончили.

– С чем? – интересуется она, впиваясь в меня прямым немигающим взглядом.

– Со всем, Олеся, – с намеком отвечаю я, абсолютно не скрывая своего интереса. – Но сейчас речь о договоре аренды. Или твоя студия больше не нуждается в помещении?

– Нуждается. Я не заинтересована в отношениях, – выдает эта дурочка, нервным движением поправляя ремешок дамской сумочки, болтающейся у нее на плече. Нет, все интереснее и интереснее! Не заинтересована она... Ну-ну. Внутренне я уже в стойке, но внешне остаюсь абсолютно спокоен.

– В отношениях я не заинтересован тоже, – замечаю мягко. – Но речь не о них, ведь так?

Олеся отворачивается. Она выглядит такой растерянной и сбитой с толку, что мне ее даже жалко. Впрочем, камон! Это ведь просто шутка.

– Так ты взглянешь на договор? – бросаю взгляд на часы, давая ей понять, что у меня не так много времени и, вздернув бровь, отступаю к столу. Приглашающим жестом указываю на стоящее напротив кресло. Олеся нерешительно подходит. И поскольку теперь нас разделяет довольно приличное расстояние – я могу вдоволь насладиться видом ее красивой формы ног. Она не худышка. Но такая ладная и пропорциональная, что лучше фигуры для бабы сложно и представить.

Олеся садится – я подсовываю ей договор. Аккуратные пальчики замирают, коснувшись добротной кожаной папки, будто не решаясь ее открыть.

– Что-то не так?

– У меня вопрос.

– Пожалуйста.

– Ты... Вы...

– Давай на «ты», думаю, после всего, что у нас было, довольно глупо официозничать, – вновь растягиваю губы в улыбке. А она... краснеет. Клянусь. Румянец зарождается на ее точечных скулах и плавно стекает вниз под застегнутый на все пуговицы воротничок.

– Ты всегда проводишь личную встречу со всеми своими... – Олеся облизывает пересохшие губы, – потенциальными партнерами?

– А чем вызван этот вопрос? – интересуюсь я вместо того, чтобы ответить.

– Тем, что ты, должно быть, важная птица. А это все, – небрежный жест в сторону папки, – явно не твой уровень. Так?

Киваю. Логика Олеся действительно мне понятна. Но дело в том, что мы – охранный предприятие. И да, в целях безопасности, я хотя бы раз встречаюсь со всеми своими партнерами вне зависимости от их значимости.

– Не мой. Но я предпочитаю иметь собственное мнение обо всех, с кем мне придется так или иначе столкнуться.

– Почему?

– Потому что я никогда не ошибаюсь в людях и их мотивах.

– А что, если... ошибешься?

– Такого не случится, – морщусь я, не совсем понимая, чем вызван ее интерес. – Если хочешь, могу рассказать что-нибудь о тебе.

Олеся резко отрывается от разглядывания папки и качает головой из стороны в сторону.

– Нет. Лучше перейдем к делу. Не хочу тебя задерживать. – замечает она, после чего, уже не раздумывая, открывает наш стандартный контракт и принимается за чтение.

– В договоре не изменилось ни слова с тех пор, как ты видела его в последний раз, – усмехаюсь, выбираясь из кресла. Олеся делает вид, что меня не слышит, и продолжает внимательно изучать проклятые бумажки. Она явно тянет резину и, может быть, даже раздумывает над тем, как бы ей соскочить! Словами не описать, как я удивлен. Мне даже приходится соврать Олеся, отсекая той пути к отступлению:

– Вчера мои люди установили крепления под гамаки. Вы можете приступать к занятиям в самое ближайшее время.

– Как установили? Уже? – она явно шокирована.

– Угу. А чего тянуть-то? Вместе с ключом-картой от студии тебе отдадут ключи от душевых и уборной. Они совместные с нашим спортзалом. – И опять я кошусь на часы, напоминая Олеся о том, как дорого стоит мое время. Сейчас я действительно не планировал затягивать нашу встречу. У меня полным-полно других дел. К тому же мне явно не помешает усыпить Олесину бдительность, чтобы потом, конечно же, воспользоваться этим.

Она так ставит свои подписи под каждой страничкой договора и нерешительно встает. Прощаемся сухо. Делаю вид, что мне до неё нет дела – сейчас не тот случай, когда следует проявлять свой интерес. Пусть подумает над своим поведением. И пожалеет...

Когда за Олесей закрывается дверь, я первым делом звоню завхозу. Чтобы поручить тому до завтра каким-то чудом успеть установить гребанные крепления.

Нет, она реально хотела сбежать? От меня... в самом деле?

Господи, каким же идиотом я был в то время! Трясу головой, возвращаясь в реальность, и окидываю взглядом указатели торгового центра. Магазин, который мне нужен, находится на втором этаже. Поднимаюсь на эскалаторе. У пожарных выходов в торце торгового зала – какая-то суета. Прибавляю шаг...

– Он схватил ребенка, а эта рванула за ним!

– Нужно вызвать полицию!

– Зачем? Наверняка это какие-то семейные разборки...

Мое сознание автоматически выуживает нужную информацию из общего потока праздничной болтовни. Мгновенно анализирует любые поступающие сигналы. Пару секунд спустя я уже приблизительно понимаю, что здесь случилось. Гашу в себе нелепый порыв кинуться следом. Сейчас это ничего не даст. Похитители, кем бы они ни были, уже давно не здесь. Бросаю взгляд на часы. Мои парни вот-вот должны подтянуться. Но я не могу терять ни секунды. Прикладываю трубку к уху.

– Гарик? Белый. Мы потеряли клиента. Нужны картинки камер в Молле, и пришли Петровича...

Я сворачиваю разговор как раз тогда, когда подтягиваются мои ребята.

– Тимур Булатыч, – мгновенно напрягается Девятый.

– Порученную вам девчонку похитили. Задача – найти живой, невредимой и как можно скорей. Работаем.

Парни не нуждаются в дополнительных указаниях. Порядок действий в таких ситуациях отработан и описан в инструкциях. В висках пульсирует дикая ярость и страх, в котором я даже сам себе сознаюсь не сразу. Игнорируя кипящие внутри чувства, быстро осматриваюсь. А вот и тот долбаный магазин, в котором Олеся должна была встретиться со своей соседкой.

– Добрый день. Мне нужна Катерина Куликова...

– Это я, – шмыгает носом плотная темноглазая тетка.

– Олеся оставила записку, что поедет к вам...

– Вы – отец Дамира! – ахает та.

– Нет. Отец мальчика погиб. Я... друг Олеси.

– Нет, – горько всхлипывает Катерина. – Вы же Тимур? – киваю. – Олеся просто не успела вам рассказать! А теперь и не успе-е-ет!

Боль в висках усиливается. И хоть ничего непоправимого еще не произошло, я жопой чувствую приближение катастрофы. Во рту пересыхает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.